«ПЛАТОН МНЕ ДРУГ, НО...»

С ВЫСОКОЙ эмоциональной нотой начинается спектакль гастролировавшего в Москве Государственного республиканского русского театра драмы Казанской СССР «Шестое июля» (пьеса М. Шатрова). Начал столкновений политических интересов сцены уже в прологе и увеличивается с каждой репликой, от каждого восклицания... Выстраивая в эта монументальные, расредоточенные в разных его уголках актеры, вливаясь в зрительную массу, делают и нас как бы участниками происходящего, вовлекая в страстную, тревожную атмосферу борьбы, предшествующей открытому всенародному митингу.

Образ В. И. Ленина (П. Дубовцев) — средоточие нашего внимания, духовный воздух спектакля.

«Иные годы уходят и приходят, но гений Ленина — на все века, — сказал поэт. И актеры в зависимости от индивидуальности и степени таланта будут открывать все новые грани ленинского характера.

Не сказану, что Дубовцев поднял какие-то принципиально новые, еще никем до него в искусстве не подмеченные пластические черты ленинского. Но мы с увлечением слушали адресованные в зал публицистические монологи, в которых Дубовцев горячо и убедительно говорил о насущных сегодняшних ленинских мыслях.

Я повторяю в найденным актером тонком подражании ленинского внешнего сходства органического слияния в характере Ленина революционной борьбы и человеческой простоты.

Но хотелось бы, чтобы все еще и еще раз было выверено автором-режиссером художественного вкуса; иногда у Дубовцева и смеха, и разговоров с кухуркой, и обращений к неодинаковому эскизы — всего нечиновно больше, чем нужно для того, чтобы выделяя чрезвычайно ответственный момент, — ведь в нем определять место шатровского спектакля в ряду трагедий Ленинизма (хотя и считаю, что это один из лучших спектаклей «Шестого июля»). Но сумма режиссерских и актерских находок дает [illegible] всех наших вчерашних, сегодняшних и завтрашних свершений от вечно живого источника ленинского гения.

В СПЕКТАКЛЕ «Абай» (пьеса Л. Соболева) — первые две минуты мы находимся в состоянии эмоционального ожидания: угрозы, вопли, аллегорический танец, уже вскрывшие, [illegible] аркадами, на которых от приводили на расправу, линяют [illegible] гами так, что удары, которые достались [illegible] — что, не [illegible] верное, просто ласковое прикосновение.

Быстро, почти бегом, входит [illegible] Абай — Ю. Ногаев), [illegible] Айдару (В. Поляк[illegible]) и Зуре (В. Мотовилова). И в непробиваемой, казалось бы, стене [illegible] неожиданно возникает [illegible] трещина: доводы Абая [illegible] разумом, и чувством, вносит [illegible] сомнение, замедляется в [illegible] на расправу.

Одна из отличительных черт [illegible] Пемрешина — интеллектуальность в самом лучшем значении этого очень хорошего, доброго и [illegible] доброго используемого слова.

Интеллектуальность выражается в [illegible] серьезности, с которой обдумывает актер роль, [illegible] мысли, которые [illegible] Померанцев умеет увлечь нас течением их мыслей. Актер, например, дает нам возможность подглядеть момент [illegible] рождения доказательств, которыми оперирует он, Абай, на суде, где, защищая Айдара и Зуру, он защищает справедливость и человечность.

Хорошо, что Померанцев, создавая образ Абая, наряду с поисками средств, выражающих духовное величие, духовную красоту [illegible] казахского просветителя, заботится передать то простое, человеческое, что роднит поэта со всеми людьми: отношение любви, тоску, которую испытывает Абай, потеряв сына, [illegible] чувствительность к обычным житейским радостям, которую отыскал Померанцев у своего героя.

Поэт, мыслитель, человек — таким остается в памяти Абай — Померанцев. Можно изменить последовательность этих определений, но оторвать одно от другого нельзя.

В ПЬЕСЕ В. Коростылева «Дон Кихот ждет» бой много нечадьного: вымахивающие духовные и физические силы героя бодаются с ветряными мельницами цинизмом Суворина, разлука с любимой женщиной и, наконец, трагическая гибель Сезото... Эту пьесу [illegible] Кихоте как спектакль-контрафакт героям: хотя человечество идет вперед по ступеням подвигов, герои обречены погибнуть, не вкусив от плодов своего подвига. Поэтому Но жизнеутверждающая мысль пронизывающая отметка прежде всего слово «бой» — это стало решающим в пьесе-притчи спектакля: именно бой. Конье Дон Кихота направлено против тех, кто заслоняет дорогу подвигу.

Театр не оплакивает судьбу Сезото (А. Тарасов), а воспевает «великих», сознущих вперед, [illegible] страхующих не только свое благополучие, но и свою жизнь.

Дон Кихота опять-таки великолепно играет Померанцев. В этом образе слиянием фантастическое и будничное, [illegible] и возвышенное презрение к [illegible] жизни и безвыходность перед ними, и — воля, суровая и трогательная одновременно, с какой он поднимается в схватку с Сеном, мужественно.

В финале, когда точными, скупыми движениями сбрасывает Померанцев бороду и усы, как древние — маску, его Дон Кихот, сумевший беспорядочного служения идее, верный друг героев, становится особенно величавым и значительным. В финале [illegible] свет, горячечный, [illegible] на поэзией. И победительно звучит мысль: верность идеалу, самопожертвованию бобу значего, как встретит, герои [illegible] Дон Кихот умер. Да здравствует Дон Кихоть

С ПЕКТАКЛЯМ, о которых [illegible] речь, а это, по-моему, лучшие спектакли театра, свойственны открытая публицистичность, стремление [illegible] зрительный зал, [illegible] захватить зрителей [illegible]. Все они поставлены А. Мазневским, и это дает основание думать, что качества его [illegible] творческой индивидуальности главного режиссера,

«ПЛАТОН МНЕ ДРУГ, НО...»

Медвежьей — режиссер большого творческого темперамента и большой [illegible] воли. Но вопы [illegible] на чей взгляд, переходят иногда в профессиональную самоиндивидуальность, что сказывается прежде всего в недостаточном внимании к актерам.

Но искусство за это мстит: так например, действие эпизодов, следующих после публицистических монологов Ленина в «Шестом июля», иногда стремительно падает вниз, паузы делаются нестерпимыми, а Дубовцев, стараясь, как говорится, поднять грацию, начинает несколько [illegible] свое обычное поведение, что и дает повод для неприятных замечаний о вкусе... Но именно это зависит от того, что режиссер [illegible] на сцене, [illegible] пластические решения — мизансцены, музыку, изобразительные приемы, чем на актеров. И любопытно, что в этом случае [illegible] мысли. Спиридонова [illegible] Ященко — замечательный оратор, она знает, что ее не только слушают, но [illegible] ее в [illegible] силу [illegible] в своем влиянии на массы. И что, что такая Спиридонова терпит поражение в своих мечтах [illegible] Ященко, воспринимается [illegible] как частная неудача, а как [illegible] ристическая беспомощность и обреченность всего мерехоровского движения, что, конечно, на пользу [illegible] тивной мысли спектакля.

В трупе есть народная артистка СССР В. Харламова. [illegible] ставские говорят о [illegible] творческих возможностях. Я видела не одну постановку «Физиков». По-моему, трактовка Харламовой роли Матильды [illegible] наиболее интересная и близкая тому, что написано у В. Дюрренматта. Харламова «комедиефицировывается» не сразу, в [illegible] ее стремление [illegible] детской откровенность в финале.

Ближней милостью актеры Е. Дворецкая — [illegible] [illegible] и покорнейшего обаяния. Однако [illegible] выдается в том, чтобы [illegible] регистрирующий [illegible] [illegible] [illegible]